

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 199–216.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 199–216.

ИМЯ В НАУКЕ

Персоналии

УДК 34-051(091)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/199-216>

ТРИ ИПОСТАСИ В. М. ЧХИКВАДЗЕ

Александр Иванович Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия,
moksha1@ Rambler.ru

Аннотация. В очерке представлен доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР В. М. Чхиквадзе, 110-летие со дня рождения которого научная общественность отметила в прошлом году. Показан его путь в науку, дана характеристика творческого наследия по военно-уголовному праву и теории прав человека, рассказывается о деятельности в качестве организатора образования и науки (начальника Военно-юридической академии, директора Института государства АН СССР), а также о государственной и общественной деятельности, в том числе в ООН и Всемирном совете мира (ВСМ).

Ключевые слова: В. М. Чхиквадзе, член-корреспондент АН СССР, военно-уголовное право, теория прав человека, Военно-юридическая академия, начальник, Институт права, директор, секретарь ЦК КП Грузии, Юридическая комиссия при Совмине СССР, Секретарь ВСМ, работа в ООН.

Для цитирования: Чучаев А. И. Три ипостаси В. М. Чхиквадзе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 199–216.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/199-216>

NAME IN SCIENCE

Personalities

THREE IMAGES OF V. M. CHKHIKVADZE

Alexander Ivanovich Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mokshal@rambler.ru

Abstract. The essay presents Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V. M. Chkhikvadze, whose 110th birthday was celebrated by the scientific community last year. His path to science is shown, his creative heritage in military criminal law and the theory of human rights is characterized, his activities as an organizer of education and science (head of the Military Law Academy and as the director of the Institute of State of the USSR Academy of Sciences), as well as the state and social activities, including in the UN and the World Peace Council (WPC).

Key words: V. M. Chkhikvadze, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR, Military Criminal Law, Theory of Human Rights, Military Law Academy, Head, Institute of Law, Director, Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Georgia, Legal Commission under the Council of Ministers of the USSR, Secretary VSM, work in the UN.

For citation: Chuchaev A. I. Three images of V. M. Chkhikvadze // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 199–216. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/199-216>

Трудный путь в науку

Строго говоря, точная дата рождения доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР Виктора Михайловича Чхиквадзе неизвестна; по свидетельству его родителей, это был то ли 1911, то ли 1912 г. Поэтому она была определена им самим уже при получении документа об окончании средней школы. С его слов было записано: родился 1 января 1912 г. в д. Зоврети Зестафонского района Грузии. Деревня располагалась недалеко от г. Зестафони между двумя речушками – Дзуса и Хмордоли. Главной достопримечательностью Зоврети являлись, пожалуй, мост, по преданиям, построенный еще при царице Тамаре, и руины древнейшей крепости, так называемой «Мацаберидзис» цихе.

У его родителей – Михаила Ивановича Чхиквадзе и Лидии Павловны Киркидзе – было двое сыновей; брат Владимир был моложе Виктора на пять лет.

Окончив местную начальную и в соседней д. Сазано семилетнюю школу, он хотел продолжить учебу, но отец решил иначе – отдал его в ученики своему пле-

мяннику в пос. Чхари, где тот имел собственную сапожную мастерскую. Однако примерно через год, уступив настоятельным просьбам матери (сын все равно не научился тачать сапоги), отец отвез Виктора в Кутаиси, где он и закончил десятилетку. В Кутаисской школе вступил в члены ВЛКСМ, избирался членом бюро комсомола, работал пионервожатым в начальной школе.

Кстати сказать, тогда же произошел и курьезный случай, связанный с именем Чхиквадзе. Учитель русского языка, прочитав на обложке тетради по русскому языку «Виктор Чхиквадзе», красным карандашом зачеркнув имя, крупными буквами написал «Виктор». Но дома все его звали Биктором, в свидетельствах об окончании начальной и семилетней школы также значилось это имя. Но с этого времени он стал Виктором.

О юриспруденции Чхиквадзе не помышлял, ему хорошо давалась математика, поэтому собирался поступить на математический факультет Тбилисского государственного университета, но заболел и в связи с этим пропустил сроки подачи документов. Однако в августе 1930 г. в Тбилиси при ЦИК Грузии открылся Институт советского строительства и права, где занятия начинались несколько позднее, чем в других вузах. Немаловажным было и то, что членов колхозов зачисляли без вступительных экзаменов. В этой связи была задумана и с помощью мамы проведена молниеносная «акция». «...Заручившись поддержкой матери, попросил его (отца. – А. Ч.) выделить причитающуюся мне четвертую часть движимого и недвижимого имущества и согласиться на мое вступление в колхоз, – вспоминал Чхиквадзе. – Учитывая мое желание получить высшее образование, отец нехотя согласился, и буквально за несколько дней мне удалось оформить свое членство в колхозе. Я стал студентом, но отца «раскулачили» – забрали четвертую часть земли, скота и другого домашнего имущества. Чтобы облегчить... переживания отца, я должен был хорошо учиться, что и делал» [1, с. 14].

В Институте советского строительства и права студент Чхиквадзе слушал лекции известных грузинских юристов и философов, большинство из которых были представителями дореволюционной юридической школы (Л. Андроникашвили, К. Бокрадзе, А. Вачейшвили, С. Нанейшвили, И. Сургуладзе и др.). Молодые ученые-коммунисты резко критиковали буржуазных профессоров. За чистотой марксистско-ленинской юридической науки строго следило партбюро Института, которое привлекало к своей работе наиболее успевающих студентов-комсомольцев. По заданию партбюро студент Чхиквадзе опубликовал статью в республиканской комсомольской газете «Ахалгазда комунисти» («Молодой коммунист»), в которой критиковал троцкистские взгляды студента Габелая и преподавателя политэкономии Чхладзе. Как признавался позже автор публикации, «я... и не знал толком смысл слова “троцкизм”, но зато “успешно” выполнил задание партбюро...» [1, с. 16].

Однако вскоре и сам Чхиквадзе попал в опалу. За срыв стенгазеты, в которой учебная группа была изображена в виде черепахи (в этой группе он возглавлял первичную комсомольскую организацию), был исключен из комсомола. Не дожидаясь

общего собрания, которое должно было утвердить это решение, задумал уехать в Москву, предварительно заручившись письмом зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КП Грузии К. Орагвелидзе (читал лекции по политэкономии, поэтому хорошо знал его).

В Москве Институт советского права в то время возглавлял П. И. Стучка, который и зачислил Чхиквадзе на второй курс, т. е. на курс ниже. Учебный план второго года обучения им был выполнен еще в Тбилиси, поэтому целый год осваивал русский язык. В 1934 г., успешно окончив институт, по рекомендации зав. кафедрой земельного и колхозного права А. А. Павлова был принят в аспирантуру. Однако прислушавшись к совету А. А. Пионтковского, вскоре перешел на кафедру уголовного права, которой в то время заведовал Н. В. Крыленко. Активная общественно-политическая работа и ведение практических занятий по уголовному праву в ряде вузов Москвы отвлекали от подготовки кандидатской диссертации (тема исследования – «Борьба с хулиганством»), защита которой состоялась только в 1938 г. В следующем году она была издана отдельной брошюрой [2].

В ноябре 1946 г. во Всесоюзном институте юридических наук защитил докторскую диссертацию на тему «Основные проблемы военно-уголовного права» [3, с. 334], официальными оппонентами по которой выступили известные ученые А. А. Герцензон, М. М. Исаев, М. С. Строгович. В дискуссии по диссертации также приняли участие А. Н. Трайнин, М. Н. Гернет, А. А. Пионтковский, Н. Л. Сухов и др. В 1947 г. ему присвоено ученое звание профессора.

Так началась жизнь Чхиквадзе в науке.

Ипостась первая – наука

Чхиквадзе стоял у истоков советского военно-уголовного права, что уже само по себе создавало немалые трудности для ученого. Будучи последовательным сторонником признания его самостоятельной отраслью права, много внес в разработку концептуальных основ военно-уголовного права.

Как и сейчас [4; 5; 6], так и тогда вопрос о выделении военного права вообще и военно-уголовного права в частности относился к числу дискуссионных. Причем критиковалось не только признание военно-уголовного права самостоятельной отраслью, но критика была направлена и непосредственно на самого Чхиквадзе. Если по первому моменту в первую очередь обращалось внимание на то, что нет ясности об объеме военно-уголовного права, то относительно автора высказывались куда менее дипломатично. Например, утверждалось, что интересы борьбы с воинскими преступлениями действительно требуют их «глубокой теоретической разработки... Но для успешного решения этой задачи необходимо... окончательно преодолеть ошибочную концепцию... о самостоятельном существовании особой отрасли права – “советского военно-уголовного права”» [7, с. 84].

М. С. Строгович писал: «Незадолго до войны некоторыми военными юристами была выдвинута мысль о создании “военного права”, действующего наряду с “общим правом” и отличающегося от него своей “военной спецификой”. Но эта концепция сразу же встретила возражения, решительно оспаривалась. В последующем она не получила признания юридической общественности и сколько-либо значительного распространения, а затем была полностью отброшена. Действительно, концепция “военного права” неизбежно влекла признание наличия “военной законности”, в чем, собственно говоря, и был ее смысл. Но это было принципиально неверно и недопустимо, сама идея “военной законности” коренным образом противоречила сущности советской социалистической законности» [8, с. 144]. Справедливости ради надо заметить, что Чхиквадзе никогда не говорил о военной законности.

Некоторые современные ученые полагают, что «основная особенность попытки формирования специального права, в том числе военного, заключается в том, что весь этот процесс был элементом политической борьбы. Причины создания военного (военно-уголовного) права были чисто политическими: руководству страны в 1930–1953 гг. были необходимы органы специальной юстиции для проведения репрессий и контроля органов общей юстиции. Для решения этих задач и была предпринята попытка формирования военного права. Со смертью главного инициатора этого процесса (И. В. Сталина) сворачиваются репрессии и отпала необходимость в органах специальной юстиции, а следовательно, и в формировании специального права, в том числе и военного...» [9, с. 136]. Вряд ли с этим можно согласиться, и не только потому, что автор путает институциональные образования (органы специальной юстиции) с материальным уголовным правом, но и потому, что военно-уголовное право сформировалось задолго до указанного времени, преподавалось в высших учебных заведениях России, имеет солидную библиографию [10, с. 272–273].

Отвечая на критику, Чхиквадзе писал, что «существование советского военно-уголовного права обусловлено существованием Красной Армии, теми особенностями ее жизни и деятельности, которыми она отличается от других советских организаций» [11, с. 47]. Присущие условиям военного быта отличия от условий гражданского быта вызываются особым назначением Вооруженных сил – защиты советского государства от нападений врага, обеспечения неприкосновенности и независимости СССР. Сущность военной службы состоит в готовности каждого военнослужащего и армии в целом в любой момент выступить на защиту Родины, не щадя жизни для достижения победы над врагом. В этом заключается самое главное, основное отличие военной службы, которое ставит ее в особое положение по сравнению со всеми другими видами государственной и общественной деятельности.

Военная служба в Вооруженных Силах СССР возлагает на военнослужащих особые по своей природе, исключительные по государственной важности и ответ-

ственности обязанности. Нарушение или невыполнение ими указанных обязанностей составляет существо воинских преступлений и проступков. Характер последних предполагает возможность их совершения исключительно в условиях армии. Воинские преступления потому и называются таковыми, что они являются общественно опасными посягательствами на интересы армии и могут быть совершены только военнослужащими.

Таким образом, делает вывод автор, советское военно-уголовное право охраняет от преступных посягательств боевую мощь Вооруженных Сил СССР, советскую воинскую дисциплину и установленный порядок несения военной службы. «Советское военно-уголовное право, – пишет Чхиквадзе, – определяет воинские преступления... и устанавливает соответствующие наказания, применяемые военным судом на основании советских законов в отношении военнослужащих, виновных в совершении этих преступлений» [12, с. 12]. Уголовные наказания, применяемые за воинские преступления, могут быть как специальными, т. е. воинскими, применяемыми только к виновным военнослужащим (например, направление в дисциплинарный батальон, лишение воинского звания), так и общими, т. е. применяемыми к виновным гражданским лицам и военнослужащим (например, лишение свободы, конфискация имущества и т. д.).

Выделение военно-уголовного права в самостоятельную отрасль права предполагает его обособление от общеуголовного права, а соответственно, определение их соотношения. Чхиквадзе исходит из того, что «как общеуголовное, так и военно-уголовное право выражают основные взгляды Советского государства на преступление и наказание, на принципы вменения в вину преступных деяний и наказуемости виновных. Общность взглядов советского законодателя на преступление и наказание и единство юридических начал о вине и уголовной ответственности обуславливают неразрывную связь советского общеуголовного и военно-уголовного права. Между ними не может быть принципиального, коренного различия... Советское военно-уголовное право следует рассматривать как применение основных принципов социалистического уголовного права в борьбе с особым рода преступлениями – воинскими преступлениями» [12, с. 25–26].

Однако, как считает Чхиквадзе, это не исключает между сравниваемыми отраслями права и весьма существенных различий. Так, военно-уголовные законы охватывают две группы норм:

- 1) военно-уголовные законы, применяемые как в мирное, так и в военное время;
- 2) военно-уголовные законы, применяемые только в военное время (военно-уголовные законы военного времени) [13, с. 7].

Общеуголовные законы такого деления не имеют.

Принцип безусловного повиновения в армии обуславливает в военно-уголовном праве невменение в вину подчиненному последствий исполнения приказа.

Ответственность несет начальник, отдавший приказ (исключение составляют случаи исполнения приказов, преступность которых для исполнителей очевидна; этот вопрос так решается и в современном уголовном праве – ст. 42 УК РФ). Хотя общая часть советского уголовного права является обязательным структурным элементом военно-уголовного права, тем не менее данное обстоятельство не означает ее механического использования в сфере рассматриваемой отрасли, участвующей, как уже говорилось, особенности организации и функционирования вооруженных сил страны. Это хорошо видно на примере обстоятельств, исключающих преступность деяния. Так, если для всех граждан необходимая оборона признается правом, то для военнослужащего – обязанностью. В то же время в военно-уголовном праве действие нормы о ней в ряде случаев ограничивается исходя из сущности отношений, например начальника и подчиненного. В условиях вооруженных сил крайняя необходимость либо вообще неприемлема, либо может иметь ограниченный характер.

Определение воинского преступления, хотя и основывается на общем понятии преступления, однако содержит признаки, которые не присущи последнему: во-первых, имеет место особый характер преступного деяния – оно направлено против воинской дисциплины и установленного порядка несения военной службы; во-вторых, совершает это деяние специальный субъект – военнослужащий. Следовательно, специфика рассматриваемого посягательства проявляется в объекте и субъекте преступления.

Следует заметить, что, помимо указанных, В. М. Чхиквадзе, М. М. Исаев и Б. С. Утевский особо выделяют и такой специфический признак воинского преступления, как условия времени и места их совершения. «Для воинских преступлений, – пишут авторы, – этот признак имеет огромное значение. Прежде всего, Положение (имеется в виду о Положении о воинских преступлениях 1924 г. в ред. от 1927 г. – А. Ч.) предусматривает такие преступления, совершение которых возможно лишь в военное время... При иных воинских преступлениях совершение их в военное время повышает уголовную ответственность... В других статьях Положения о воинских преступлениях говорится о совершении преступления в “районе военных действий”...» [13, с. 17–18].

Указанные М. М. Исаевым и Б. С. Утевским признаки характеризуют отдельные воинские преступления, выступая конструктивными или квалифицирующими, но не присущи рассматриваемым деяниям как таковым, всем без исключения. Иначе говоря, они не характеризуют родовое понятие воинского преступления, поэтому, на наш взгляд, В. М. Чхиквадзе обоснованно не включал их в круг специфических черт указанных посягательств.

Ученый много внимания уделяет характеристике науки военно-уголовного права. Автор приходит к неутешительному выводу: «...Если вопросы военного дела, состав-

ляющие основной предмет военной науки, разработаны основательно, то научная разработка военно-правовых вопросов до сих пор не получила должного развития» [13, с. 41]. Небезынтересно отметить, что так же оценивали состояние военно-уголовной науки и дореволюционные криминалисты. Например, В. Д. Кузьмин-Караваев писал: «Современное состояние науки военно-уголовного права крайне печально. Наука совершенно не разработана; литература отсутствует. Нет ни одной не только у нас, но и на Западе, сколько-нибудь выдающейся монографии по основным теоретическим вопросам» [10, с. 7]. По его мнению, это стало возможным из-за исторически сложившегося взгляда на армию как на учреждение, которому чужда правовая жизнь. В. Д. Кузьмин-Караваев замечает: «В самое отдаленное время древнее изречение “под оружием умолкают законы” имело оправдание, но оно оказалось живучим настолько, что и ныне, несмотря на полное его несоответствие с действительностью, обратное положение еще далеко не стало аксиомой» [10, с. 7].

По мнению Чхиквадзе, наука военно-уголовного права должна охватывать: 1) общее понятие военно-уголовного права, его предмет и систему; 2) историю военно-уголовного права; 3) учение о военно-уголовном законе; 4) учение о воинском преступлении; 5) учение об особенностях применения институтов общей части уголовного права к воинским преступлениям; 6) учение о наказаниях, применяемых за воинские преступления. С позиций сегодняшнего дня предмет указанной науки выглядит неполным. А. А. Тер-Акопов замечал, что «военно-правовая наука не может замыкаться только на военной проблематике, а должна включать исследование правовых аспектов всего круга оборонных вопросов, которыми ни одна другая отрасль правовых знаний не занимается...» [6, с. 23].

Какое-то время Чхиквадзе в силу разных причин не интересовался проблемами преступлений против военной службы, к ним он вернулся уже при подготовке Курса советского уголовного права. Написанный им раздел основан на уголовно-правовой доктрине (к этому времени вышли работы С. Н. Орловского и В. И. Малкиса, К. И. Солнцева, Х. М. Ахметшина, В. Н. Кудрявцева и др.), учитывает запросы следственной и судебной практики. Предложенная автором классификация рассматриваемых преступлений в той или иной мере используется и современными авторами [14, с. 447–536].

Чхиквадзе стоял у истоков еще одного из направлений правовой науки – исследование и научная разработка проблем прав человека, в то время (да, впрочем, и сейчас) являющихся одним из краеугольных камней идеологической борьбы, а в незапамятные времена выступавших предметом постоянной критики СССР [15]. В одной из первых работ, посвященных указанной теме, автор пишет: «Буржуазные философы, социологи и юристы критикуют марксизм за то, что он, занимаясь разработкой закономерностей развития человеческого общества в целом, дескать, упустил из виду личность, ее ценности, интересы и потому не дает ответа на вопрос, в

чем смысл жизни, как обеспечить расцвет каждого человека и всего человечества. Буржуазные критики видят “порок” марксизма в том, что он, рассматривая человека в непрерывной связи с общественными отношениями, будто бы подменяет изучение человека изучением общественных отношений» [16, с. 36].

В Институте государства и права был организован специальный сектор прав человека (он существует и сейчас), который в 1977–1988 гг. возглавлял Чхиквадзе. Ученый сам и под его руководством члены сектора исследовали широкий круг вопросов, которым ранее не придавалось столь пристального внимания: правовой статус личности, реализация прав граждан, совершенствование внутригосударственных и международных механизмов защиты прав человека [17, с. 85] и др. Опубликованные по их итогам работы были положительно восприняты научной общественностью не только Советского Союза, но и ряда стран социалистического лагеря (33 статьи по указанным проблемам Чхиквадзе были опубликованы в зарубежных изданиях на английском, немецком и др. языках). Они были востребованы законодательными органами, использовались в деятельности судов и правоохранительных органов страны.

Сотрудники сектора участвовали в подготовке проектов двух конституций: СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. В них нашел отражение не только широкий комплекс прав и свобод граждан, но и конституционные принципы взаимоотношений государства и человека. Именно на этих обстоятельствах акцентировал внимание Чхиквадзе в ряде опубликованных работ [18, с. 5]. Автор, признавая универсальное значение прав человека, отмечал, что «в Советском государстве прочно утверждается новый подход к международным аспектам проблемы прав человека, преодолеваются догматические установки в этой сфере, права человека рассматриваются в контексте общечеловеческих интересов...» [19, с. 30].

Идеи Чхиквадзе находили отклик в ряде зарубежных стран, чему способствовало укрепление международного сотрудничества в сфере прав человека не только с социалистическими странами, в частности Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Чехословакией, но и с рядом капиталистических стран. Итоги пятилетнего сотрудничества российских и американских учёных нашли отражение в коллективной монографии и сборнике статей.

Одно из предложений Чхиквадзе, к сожалению, осталось нереализованным, но не утратившим своего значения. Речь идет о создании международного акта (кодекса), объединяющего все положения о правах человека, содержащиеся в различных международно-правовых документах. Он исходил из того, что такой кодекс может способствовать единообразному пониманию принципов, идеалов и понятий, отражающих права человека [19, с. 33].

Чхиквадзе реалистичен в оценке своего вклада в правовую науку. «В общей сложности, – пишет он, – я опубликовал 400 работ, из них 12 монографий и 3 учеб-

ника. Конечно, эти труды написаны с позиции тех времен, когда в стране господствовала коммунистическая идеология. Но если отбросить марксистскую фразеологию, они все же представляют... определенную ценность...» [1, с. 98].

В 1964 г. Чхиквадзе был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1971 г. – действительным членом Академии наук Болгарии. В том же году получил почетное звание доктора права Университета г. Сегед (Венгрия).

Под его научным руководством подготовлено более 40 кандидатов юридических наук (в том числе 5 иностранных граждан), многие из которых впоследствии стали докторами наук, членами Академии наук СССР и союзных республик.

Ипостась вторая – организатор образования и науки

После окончания аспирантуры (1938) Чхиквадзе получил назначение в Саратов заместителем директора юридического института по научной и учебной работе. Не желая уезжать из Москвы, он воспользовался предложением начальника военно-юридического факультета Всесоюзной правовой академии перейти к нему штатным преподавателем. Для этого Чхиквадзе обратился с заявлением на имя командующего Московским военным округом о добровольном призыве рядовым красноармейцем в РККА. Для прохождения службы он был направлен на указанный факультет. Год спустя ему присвоили воинское звание военного юриста 3 ранга (соответствует званию капитана РККА, капитан-лейтенанта на флоте, лейтенанта органов госбезопасности). В конце 1939 г. Чхиквадзе возглавил кафедру уголовного и военно-уголовного права Военно-юридической академии, получил звание военного юриста 2 ранга (майор РККА, старший лейтенант органов госбезопасности; как правило, носитель этого звания был военным прокурором дивизии). В 1944 г. стал заместителем начальника академии, а в 1948 г. – ее начальником. Ему было 36 лет, был в звании полковника, а до него академию возглавляли только генералы. Кроме того, с января 1947 г. по сентябрь 1948 г. одновременно руководил Всесоюзным институтом юридических наук (ВИЮН) Министерства юстиции СССР.

Военно-юридическая академия выросла из Учительского института Красной Армии, созданного в 1919 г. в Петрограде. В 1938 г. академии было присвоено имя В. И. Ленина, она переведена в Москву. В 1948 г. на основании директивы Генштаба Вооруженных Сил СССР вуз стал именоваться Военно-политической ордена Ленина, Краснознаменной академией имени В. И. Ленина. От имени Президиума Верховного Совета СССР в апреле этого же года академии вручено Знамя части. Ныне это Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ.

Таким вузом предстояло командовать Чхиквадзе в течение 15 лет. Профессорско-преподавательский состав академии был одним из сильнейших в СССР. Здесь трудились ученые-юристы А. И. Авдеев, Г. А. Аксененок, С. Н. Братусь, А. И. Винберг, Н. А. Виноградов, П. Н. Галанза, А. А. Герцензон, С. А. Голунский, А. В. До-

зорцев, С. Ф. Кечекьян, Е. А. Коровин, Б. П. Кравцов, С. Б. Крылов, А. Е. Лунев, М. Б. Митин, А. И. Полторац, А. К. Стальгевич, С. С. Студеникин, Н. П. Фарберов и др. Кстати сказать, многие слушатели тех лет, закончив адъюнктуру академии, стали известными учеными: А. С. Бахов, П. П. Гуреев, Н. И. Загородников, В. П. Казимирчук, М. П. Карпушин, А. С. Кобликов, М. И. Козырь, Н. И. Краснов, В. Н. Кудрявцев, И. Л. Петрухин, М. М. Славин, В. И. Смолярчук и др.

Академия располагала богатой библиотекой (в ее фондах была практически вся литература императорской военно-юридической академии, С.-Петербург), которая ежегодно пополнялась в том числе и за счет трудов, издаваемых научным коллективом: учебников, учебных пособий и т. д. Высокую оценку получила «Библиотека военного юриста» (18 вып.). Академия систематически проводила научные конференции, материалы которых издавались отдельными сборниками.

Академии было доверено участвовать в военном параде, во главе «парадной коробки» шел Чхиквадзе.

Будучи начальником Военно-юридической академии, принимал активное участие в разработке проектов законов, читал лекции на юридическом факультете МГУ, Высшей школе НКВД СССР и др.

В 1953 г. жизнь Чхиквадзе резко изменилась – его направили на партийную работу в Грузию. Однако пробыл там недолго, в 1954 г. вернулся в Москву, получил назначение на должность заместителя директора Института права АН СССР. С этого времени Чхиквадзе стал организатором науки, осуществлял кураторство над секторами общей теории государства, уголовного права и уголовного процесса, аспирантурой и др. На него были возложена и организация международных связей Института.

В 1964 г. Чхиквадзе возглавил Институт государства и права АН СССР (до этого два года – с 1962 по 1964 – руководил Юридической комиссией при Совете Министров СССР).

Первое мероприятие, которое он организовал и провёл, было исключение из названия Института имени А. Я. Вышинского, чему, надо заметить, некоторые учёные активно препятствовали. В статье, специально посвященной его влиянию на развитие советской правовой науки, автор делает вывод: «...теоретические установки Вышинского служили не делу внедрения в жизнь принципов социалистического права, законности и справедливости, а наоборот, обоснованию и оправданию массового произвола и беззакония, грубых нарушений прав и свобод человека» [20, с. 66].

В 1964 г. было принято известное постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и образования в стране». В связи с этим научным учреждениям стало уделяться больше внимания. Если в 1962 г. в Институте было 102 научных сотрудника, то к 1973 г. их численность увеличилась втрое. Основным «поставщиком» кадров выступала Военно-юридическая академия. Именно

оттуда пришли А. И. Винберг, В. П. Казимирчук, А. П. Косицын (с 1964 по 1970 гг. – заместитель директора Института), В. Н. Кудрявцев, Е. А. Скрипилев и др.

Институт принимал активное участие в подготовке законопроектов и докладных записок по вопросам совершенствования государственного аппарата и законодательства. Систематически проводились научные конференции по наиболее актуальным проблемам правовой науки, причем в них принимали участие не только видные советские ученые, государственные и общественные деятели, но и научные юридические центры зарубежных стран. Институт позиционировал себя как крупнейший научно-исследовательский центр, каковым, по сути, он в то время и являлся.

Годы работы Чхиквадзе в Институте были творчески и организационно насыщенными, интересными, но небезоблачными. Были непростые отношения с рядом коллег. Возможно и поэтому он не стал академиком (выдвигался дважды, однако оба раза не набрал достаточного количества голосов). В 1973 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС объявил ему строгий выговор с занесением в учетную карточку, признав невозможным его дальнейшее пребывание в должности директора. Чхиквадзе был обвинен в том, что, имея благоустроенную квартиру в Москве и дом в Гаграх, приобрел двухэтажный кирпичный особняк в Подмосковье.

Чхиквадзе был переведен в старшие научные сотрудники, а Институт возглавил В. Н. Кудрявцев.

Ипостась третья – государственный и общественный деятель

В 1953 г., после известного «менгрельского дела», формировался новый состав руководства Грузии. Политбюро ЦК КПСС Чхиквадзе был рекомендован, а затем партийной организацией Грузии избран секретарем ЦК Компартии республики по идеологии (как уже говорилось, в это время он возглавлял Военно-юридическую академию). Вскоре стал и депутатом Верховного Совета Грузинской ССР.

Обстановка в Грузии, по признанию самого Чхиквадзе, была сложной. Экономика была подорвана, а идеологическая работа запущена. Назревал кризис в Абхазии. У него постоянно возникали разногласия с первым секретарем ЦК Компартии Грузии А. И. Мирцхулавой. Не посчитались с его мнением и при рекомендации на пост первого секретаря ЦК Компартии В. П. Мжаванадзе, с которым у него также не сложились отношения. В 1954 г. он был освобожден от занимаемой должности.

По возвращению в Москву Чхиквадзе, как уже говорилось, был назначен зам. директора Института права; хотя это и было заметным понижением в карьере, но зато знаменовало его возвращение в науку.

В начале 70-х гг. перед Чхиквадзе встал выбор: занять должность первого заместителя председателя Комитета по культурным связям с зарубежными странами или возглавить Юридическую комиссию при Совете Министров СССР. По настоянию ЦК КПСС возглавил Юридическую комиссию, являвшуюся специальным кол-

легиальным органом. К ее основным задачам относились кодификация и систематизация законодательства СССР, разработка по поручению Совмина СССР и предварительное рассмотрение вносимых в Совет Министров проектов законодательных актов и решений Правительства по вопросам нормативного характера. Комиссия была упразднена 30 июля 1970 г. согласно Постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов». 30 августа 1970 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об образовании союзно-республиканского Министерства юстиции СССР».

В должности председателя Юридической комиссии Чхиквадзе пробыл два года. Как он вспоминал, «работа... носила... творческий характер, была непосредственно связана с научной работой. Я приобрел большой опыт государственной деятельности. Работу на государственной службе... по-прежнему совмещал с общественной деятельностью. Был заместителем председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, вице-президентом Общества дружбы СССР с народами Латинской Америки и т. д.» [1, с. 90].

Общественная и политическая деятельность Чхиквадзе была направлена на защиту мира и сотрудничество с разными странами. В этом смысле наиболее показательна его работа во Всемирном совете мира (ВСМ) (1958–1964), куда был направлен решением ЦК КПСС. 12 июля 1958 г. на Втором всемирном конгрессе за разоружение и международное сотрудничество в Стокгольме он был избран Секретарем и членом Бюро ВСМ. Возглавлял ВСМ французский физик и общественный деятель, один из основателей Пагоушского движения ученых, инициатор Стокгольмского воззвания, лауреат Нобелевской премии, член Французской академии наук, иностранный член-корреспондент АН СССР, иностранный член Лондонского королевского общества Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958). «Участие в работе Второго всемирного конгресса явилось начальной школой изучения характера всемирного движения сторонников мира, его целей, социального состава, форм и методов деятельности», – пишет Чхиквадзе [1, с. 52].

Всемирный совет мира с самого начала создания был объявлен официальными властями западных стран просоветской организацией, рупором Кремля. В связи с этим ни одно из государств Европы не давало согласия на размещение у себя Секретариата, лишь Австрия после настоятельных просьб СССР, Чехословакии и др. стран согласилась на учреждение в Вене Международного института мира, под прикрытием которого и стал функционировать постоянно действующий орган ВСМ. Чхиквадзе возглавил этот институт.

С момента избрания Секретарем Всемирного совета мира наступил новый достаточно трудный, но и очень насыщенный и интересный этап его жизни. Сложности деятельности ВСМ, а следовательно, и его Секретаря обуславливались двумя основными моментами: организационными и идеологическими. «Особенно слож-

ной была идеологическая работа. На конгрессах и сессиях Всемирного совета мира необходимо было добиваться одобрения документов, которые всецело возлагали ответственность за гонку вооружений и подготовку новых агрессивных войн на империалистические государства, в первую очередь на США. Их надо было “уличить” в ведении “холодной войны”, подавлении стремления народов к независимости, в массовых нарушениях прав и свобод человека» [1, с. 57].

Как Секретарь ВСМ, Чхиквадзе принимал участие в подготовке и проведении практически всех мероприятий ВСМ: начиная от первого – Всемирного конгресса за разоружение и международное сотрудничество (Стокгольм, 16–22 июля 1958 г.) и заканчивая последним для него – Всемирным конгрессом за всеобщее разоружение и мир (Москва, 9–14 июля 1962 г.). Его работа во Всемирном совете мира получила высокую международную оценку: был награжден Золотой медалью имени Фредерика Жолио-Кюри, орденами и медалями ряда стран (Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии и др.). Был избран вице-президентом, а затем и президентом Международной ассоциации юридических наук, вице-президентом Международной ассоциации политических наук.

Особо надо выделить работу Чхиквадзе в ООН. Впечатляет даже простое перечисление сделанного. Он входил в состав советской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1968 г. В течение ряда лет был членом Специального комитета ООН по разработке проекта Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, участвовал в подготовке ряда других международных соглашений и конвенций, был членом Комитета по определению агрессии, а также подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите национальных меньшинств. В 1968 г. руководил работой советской правительственной делегации на Всемирном конгрессе, посвященном 20-летию Всеобщей декларации прав человека. Неоднократно возглавлял советскую делегацию на различных сессиях Комиссии ООН по правам человека, принимал участие в подготовке Заключительного акта Совещания по безопасности в Европе (1975) и др.

Важным событием в жизни явилось назначение Чхиквадзе членом делегации СССР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1965 г., о чем надо сказать особо. Глава делегации, Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко поручил ему работу в III и IV комитетах ООН. «Особенно тяжелым оказалось участие в разработке международной конвенции о запрещении всех форм расовой дискриминации. После длительного обсуждения... согласованный проект... должен был быть вынесен на утверждение сессии Генеральной Ассамблеи. Однако, совершенно неожиданно для многих делегатов, буквально за один день до открытия сессии, специально посвященной этой теме, делегация США внесла предложение (поправку) о дополнении проекта... пунктом о запрещении антисемитизма... Всем было понятно, что данная поправка была направлена против СССР...» [1, с. 101].

Чхиквадзе понимал, что выступить прямо против американской поправки означало, по сути, признание наличия в нашей стране антисемитизма. Согласовать советскую позицию в оставшееся до сессии время практически было невозможно (А. А. Громыко в это время находился на Кубе). На свой страх и риск он решил внести другое предложение (поправку к американской поправке), заведомо зная, что она не будет поддержана, но зато не пройдет и американская поправка. Так оно и получилось. Шаги Чхиквадзе были высоко оценены А. А. Громыко. «Могу без преувеличения сказать, – пишет Чхиквадзе, – что в той сложной международной деятельности мне безусловно помогали не только юридическая квалификация, но и опыт, приобретенный во Всемирном совете мира» [1, с. 103].

Вместо заключения

Рассказ о научной, государственной и общественной деятельности Чхиквадзе, его участии в Великой Отечественной войне, разумеется, можно было бы продолжить, поскольку за пределами этих строк осталось еще много интересного, поучительного и даже драматичного. Но он, на наш взгляд, все равно был бы не полон, если хотя бы несколько слов не сказать о простом человеческом счастье, о котором мечтает каждый из живущих... Виктор Михайлович 62 года прожил с Тамарой Петровной Казанской («любимая спутница, счастье и гордость»), подарившей ему дочь Галину и сына Владимира. Владимир работал в ряде стран Чрезвычайным и Полномочным послом России, в настоящее время член Российского совета по международным делам, заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, директор Фонда ветеранов дипломатической службы; Галина – ответственный работник Конституционного Суда РФ. У него 4 внука и 2 правнука.

Подводя итоги прожитого и пережитого, Чхиквадзе философски замечает: «Вот и заканчивается моя продолжительная жизнь, наполненная трудом и успехами, ошибками и противоречиями, взлетами и падениями, радостями и огорчениями, но в целом – кипучая и целеустремленная... и все же я горжусь своей жизнью, начавшейся в маленькой грузинской деревушке Зоврети и заканчивающейся в столице России – Москве» [1, с. 138].

Вряд ли что-то можно добавить к сказанному...

Список источников

1. Чхиквадзе В. М. Записки зовретинского парня. М.: Человек, 2009. 192 с.
2. Чхиквадзе В. М. Хулиганство. М.: Юриздат, 1939. 24 с.
3. Корякин В. М. Военное право: антология диссертаций: в 2 ч. Ч. 1. М.: За права военнослужащих, 2011. 543 с.
4. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М., 2021–2022.

5. Военное право: состояние и перспективы // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 3–42.
6. Кудашкин А. В. «Структурный скелет» отрасли военного права (К вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 2–13.
7. Лопухов Р. По поводу «теории» военно-уголовного права // Социалистическая законность. 1954. № 10. С. 84–86.
8. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. 252 с.
9. Шкаревский Д. Н. К вопросу о развитии военного права в СССР (1930-е – начало 1950-х гг.) // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 132–137.
10. Кузьмин-Караваяев В. Д. Военно-уголовное право. Часть общая. СПб., 1895. 306 с.
11. Чхиквадзе В. К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 46–53.
12. Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право. М., 1948. 451 с.
13. Исаев М. М., Утевский Б. С. Воинские преступления / под ред. И. Т. Голякова. М.: Юриздат, 1942. 64 с.
14. Курс советского уголовного права: в 6 т. / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1971. Т. 5. 571 с.
15. Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А. Н. Савенков. М., 2018. 255 с.
16. Чхиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека. Ленинские идеи и современность. М.: Наука, 1978. 333 с.
17. Чхиквадзе В. М. О некоторых международных аспектах проблемы прав человека // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 85–92.
18. Чхиквадзе В. М. Новая Конституция СССР – творческое воплощение марксистско-ленинской концепции личности // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 5–19.
19. Чхиквадзе В. М. Международные аспекты проблем прав человека // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. С. 30–33.
20. Чхиквадзе В. М. О вреде, причиненном А. Я. Вышинским развитию советской юридической науки // Социалистическая законность. 1989. № 9. С. 65–67.

References

1. Chkhikvadze V. M. Notes of a Zovretinsk guy. Moscow: Chelovek Publ., 2009. 192 p. (In Russ.).
2. Chkhikvadze V. M. Hooliganism. Moscow: Yurizdat Publ., 1939. 24 p. (In Russ.).

3. Koryakin V. M. Military law: an anthology of dissertations: in 2 hours. Part 1. Moscow: For the rights of military personnel, 2011. 543 p. (In Russ.).
4. Savenkov A. N., Kudashkin A. V. (eds.). Military law: in 3 volumes. Moscow, 2021–2022. (In Russ.).
5. Military law: state and prospects. *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no. 8–9, pp. 3–42. (In Russ.).
6. Kudashkin A. V. "Structural skeleton" of the branch of military law (On the issue of sub-branches of military law). *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie*, 2021, no. 4 (285), pp. 2–13. (In Russ.).
7. Lopukhov R. About the "theory" of military criminal law. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1954, no. 10, pp. 84–86. (In Russ.).
8. Strogovich M. S. Main questions of Soviet socialist legality. Moscow: Nauka Publ., 1966. 252 p. (In Russ.).
9. Shkarevsky D. N. On the development of military law in the USSR (1930s – early 1950s). *Voенное право*, 2017, no. 5 (45), pp. 132–137. (In Russ.).
10. Kuzmin-Karavaev V. D. Military criminal law. Part General. St. Petersburg, 1895. 306 p. (In Russ.).
11. Chkhikvadze V. On the subject of Soviet military criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1940, no. 12, pp. 46–53. (In Russ.).
12. Chkhikvadze V. M. Soviet military criminal law. Moscow, 1948. 451 p. (In Russ.).
13. Isaev M. M., Utevsky B. S. Military crimes. Moscow: Yurizdat Publ., 1942. 64 p. (In Russ.).
14. Piontkovsky A. A., Romashkin P. S., Chkhikvadze V. M. (eds.). The course of Soviet criminal law: in 6 volumes. Moscow, 1971. Vol. 5. 571 p. (In Russ.).
15. Savenkov A. N. (eds.). Transformation of human rights in the modern world. Moscow, 2018. 255 p. (In Russ.).
16. Chkhikvadze V. M. Socialist humanism and human rights. Lenin's ideas and modernity. Moscow: Nauka Publ., 1978. 333 p. (In Russ.).
17. Chkhikvadze V. M. On some international aspects of the problem of human rights. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1987, no. 7, pp. 85–92. (In Russ.).
18. Chkhikvadze V. M. The new Constitution of the USSR – the creative embodiment of the Marxist-Leninist concept of personality. In: *Konstitutsiya SSSR i pravovoe polozenie lichnosti*. Moscow, 1979, pp. 5–19. (In Russ.).
19. Chkhikvadze V. M. International aspects of human rights problems. In: *Prava cheloveka: problemy i perspektivy*. Moscow, 1990, pp. 30–33. (In Russ.).
20. Chkhikvadze V. M. On the harm caused by A. Ya. Vyshinsky to the development of Soviet legal science. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1989, no. 9, pp. 65–67. (In Russ.).

Информация об авторе

А. И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Information about the author

A. I. Chuchaev – Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.